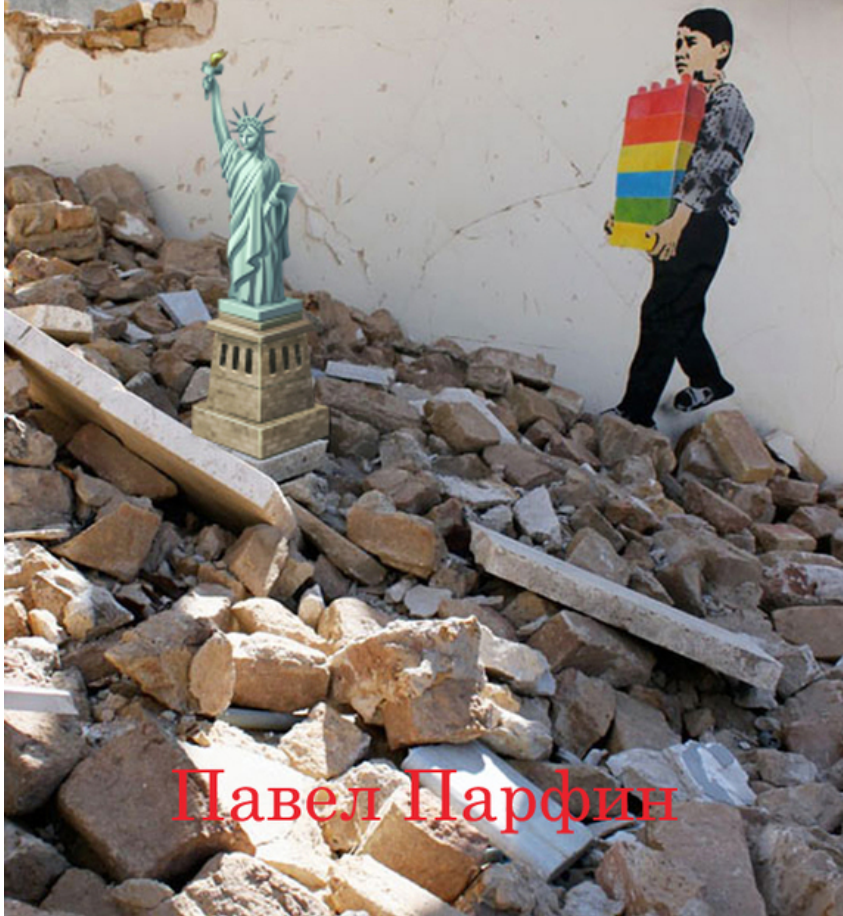

Нью-Йорка больше нет

Павел Парфин

Павел Парфин

Нью-Йорка больше нет

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6507147

Аннотация

Книга Павла Парфина «Нью-Йорка больше нет» – необыкновенные приключения сумчанина в Америке.

Конец 90-х. Герой книги, 43-летний слесарь Петька Тимченко, продает старый дом своей прабабки, на вырученные деньги покупает паспорт российского моряка и визу в США и улетает в Нью-Йорк. Перед отъездом Тимченко решает на прощание сходить на рыбалку, забирается во двор уже проданной им усадьбы, копает червей. Вдруг, вспугнутый внезапным шумом, он роняет кулек с землей и червями – дом-то ведь теперь не его...

В качестве талисмана Тимченко прихватывает с собой в Америку этот самый кулечек с родной землей, богатой перегноем и навозными червями.

Прилетев в Нью-Йорк, Петька осваивается, начинает работать. Знакомится с чудесной девочкой-негритяжкой. Юная чернокожая Мадонна знакомит его с удивительным исполинским городом, с особенностями и достопримечательностями его знаменитых кварталов...

Постепенно вокруг начинают происходить странные вещи: Нью-Йорк меняется на глазах, в нем появляются люди, которых

в городе, откуда приехал Тимченко, называют «кугутами», «жлобами», «быками». На улицах Нью-Йорка и в сабвее они торгуют самогоном и картошкой, заплывают мостовые шелухой от семечек, устраивают жуткие разборки, шугают нью-йоркцев... Местные СМИ бьют тревогу: Нью-Йорка больше нет! Отныне он во власти какого-то фантастического червя, который пожирает город вместе с его достижениями и наследием...

Содержание

1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Павел Парфин

Нью-Йорка больше нет

* * *

Петька Тимченко, рано поседевший, худощавый мужчина 43 лет, с самого рождения проживающий в маленьком, чистеньком, зеленом, но слабо раскрученном, как сейчас говорят, областном центре Сумы, по специальности слесарь 4 разряда плюс непьющий водитель, да вот беда, в настоящее время вынужденный болтаться без дела в нестройных рядах армии временно безработных, – неожиданно разбогател.

Правда, Витек Андрейченко, один из близких Петькиных приятелей, по этому поводу грубо заметил: «Петюня, ты сду-рел! Профукать такую усадьбу!» «Усадьбой» Андрейченко окрестил Петькиной прабабки глинобитную хатку, покосив-шуюся, наверное, с того самого дня, как она, однажды покинутая душой прабабки, вдруг перестала собирать вокруг себя счастливые голоса Петькиных родственников. Умерла бабушка Наташа в августе 91-го, и с ее смертью стало все рушиться – люди потеряли интерес друг к другу, перестали навещать на стару хату, выносить во двор столы да накрывать их чем украинский Бог послал да теми смачными стравами, что, казалось, еще вчера с любовью пекла-вари-

ла бедовая бабка. Разучились есть-пить по-семейному, в глаза смотреть-заглядывать и до поздней ночи вести задушевные разговоры. Быстро затерялся в воспоминаниях вкус ее необыкновенного, заправленного толченым салом борща в чугушке, обесцветился, забылся цвет ее не по-стариковски живых глаз, растаял голос, звучавший с раннего утра и до самой смерти. А тут все узнали, что Советский Союз развалился...

Спустя неполных восемь лет после прабабкиной смерти Тимченко продал ее хату с землей в пятнадцать соток, а на земле – сад с более чем полувековыми фруктовыми деревьями, теперь вспоминающими о плодах своих, как старики о далекой юности, выродившимися кустами крыжовника и малины, седой от многочисленных паутинковых сеток дорожку, круто сбегаящую от задней калитки в саду к заросшему ракитником и бурьяном берегу Пела, все так же катящего перед собой воды-годы (давным-давно, когда маленький Петя еще не слышал о сказочных повестях Гоголя, Пселл-река ласкал нежное тело мальчика...) Тимченко продал дом с участком, можно сказать, в центре города всего за четыре с половиной тысячи американских долларов и, получив в присутствии бойкого нотариуса 450 заграничных банкнот, с которыми никогда не имел дела, уже через девять дней, естественно не без сожаления, расстался с деньгами, отдав их за... российский паспорт моряка и пакет документов на въезд за границу.

– Уплываешь, значит? – скептически ухмыльнулся Андрейченко.

– Нет, улетаю, – вполне серьезно ответил Тимченко и потряс перед Витькиным носом документами. Среди них, кроме паспорта, были открытая на имя Петьки транзитная виза в Соединенные Штаты и авиабилет из Москвы до Нью-Йорка туда и обратно. Тимченко вдруг зашептал заговорщически:

– Понимаешь, я вроде как зафрахтовался на российское торговое судно. Не помню, как его... На следующей неделе оно будет в Нью-Йорке, в ихнем порту. Вот я и лечу туда...

– Ну и лети к американской матери! – Андрейченко со злостью и, кажется, даже с обидой стукнул пустым стаканом по столу. Водки еще было много, нехитрая закуска (Тимченко так и не научился готовить, после того как его бросила жена) – картошка в мундирах, хлеб, пол-луковицы да килька по два восемьдесят – не радовала глаз. Разговор не клеился.

– А шо робыть, Вить? – Тимченко виновато пожал плечами. – Ленке моей уже семнадцать. Ты посмотри, какая она!

– Да, дочь у тебя – красавица. Вылитая Кармен! – с завистью вздохнул Витек, у которого было двое парней. – В нашем городе вообще девчонки красивые. Воздух у нас, что ли, особенный?..

– Вот именно! Дочь – красавица, а отец... Что я могу ей предложить? Учиться Ленке надо – языки иностранные ей легко даются: по-испански там или по-английски за милую душу шпрехает. Так я образование оплатить не могу. О за-

мужестве можно уже подумать, но кто ее без приданого-то возьмет? Парней в городе немного, а те, кто есть, как говорит моя Ленка, цены себе не сложат. Вот я и решил: раз работы здесь нет...

– А бабкины деньги? – перебил Андрейченко. – Их не так уж и мало было...

– Нет, разошлись бы они как вода. А так... – Петька мечтательно поднял к давно не беленному потолку глаза, – лучше я в Америку съезжу. Попытаю счастья. Ну чем я хуже других, а, Вить?

– Ну-ну, езжай. А пока наливай. Картошка остынет...

Тимченко попросил дочь научить его хоть немногим, самым необходимым английским словам (в школе Петька с горем пополам шпребал на немецком), но потом, спустя несколько уроков, столкнувшись с тем, что в английском, в отличие от дойча, слова читаются не так, как пишутся, махнул безнадежно рукой и забросил бестолковую учебу-пытку. Сама же Ленка, несмотря на то что имела бетонную пятерку по инглиш, обожала больше испанский, который самостоятельно осваивала такими же стремительными темпами, какими, замечал Тимченко, наливалась ее девичья грудь. Ленка радостно сумасбродила: придумав какого-то мальчишку по имени Мадрид (по ее собственному описанию, очень смахивающего на ее бывшего однокашника Вовку по кличке «Эрос»), по уши влюбилась в него, непрерывно писала ему сумбурные и одновременно жутко умные записки, где при-

знавалась, что коллекционирует названия испанских музеев, звуки кастаньет и песок с арен, на которых пролилась горячая кровь тореодора. Кастаньеты три раза в год привозила 29-летняя проститутка – соседка с четвертого этажа Светка Лидович, а песок, обыкновенный средиземноморский песок, набитый в большие перламутровые ракушки, – ее одиннадцатилетний сын, которого Светка брала с собой на лето в свою трудовую Испанию...

Сильно нервничая, прямо-таки суетливо (чего за собой никогда не замечал), Тимченко собирался в дальнюю дорогу. Вдруг необъяснимая тоска охватила его. Вот чудно! Вроде раньше не страдал любовью к родине.

Отъезд из Сум был намечен на восьмое сентября, самолет летел из «Шереметьева-2» десятого. Один день Тимченко был вынужден прокантоваться у дальних родственников, живущих в Москве где-то за ВДНХ. В подарок им Петька приготовил добрый шматок сала, чья копченая шкурка волнующе пахла соломкой, да расписной штоф «Сумської горобынової» – местной фирменной водки. Да, скромно, зато со вкусом!..

А шестого Тимченко вспомнил об удочках и рыбацкой снасти – решил напоследок, чтобы хоть чуть-чуть успокоиться, сходить на рыбалку, посмотреть еще разок, как расходятся по воде вокруг поплавок круги его прожитой жизни...

Приехал, обошел слева забор, с замирающим сердцем перелез в не принадлежащий теперь ему двор, спрыгнул прямо

в густую крапиву. Нашел за ветхой дощатой уборной ржавую, но еще довольно крепкую лопату. В незапамятные времена, помнится, этой лопатой прабабка Наташа убирала кашки маленького Пети, когда тот, панически боясь провалиться в вонючую дыру в уборной, ходил по-большому в метре от страшного туалета.

Копнул кучу сухого навоза, могильным холмиком застывшую, забытую Богом и людьми тут же рядом с заброшенной уборной, пахнувшей лишь гниющим деревом. Копнул другой раз, третий... Есть! Крутанулся под лопатой красной ниткой червяк. Слава Богу, есть жизнь!

Тимченко накопал бумажный кулек червей, насыпал в него землячки, уже и лопату за уборную собрался спрятать, да тут вдруг как затрещат за спиной кусты, как кто-то заржет молодым бессовестным смехом! От неожиданности Тимченко и выронил кулек...

1

...От неожиданности Тимченко выронил кулек с землей и обернулся...

Между началом поворота его головы и днем приезда в Соединенные Штаты прошло четыре с половиной недели. Наконец-то земля под ногами перестала дрожать, а непонятная речь пешеходов, пассажиров в сабвее, продавцов в минимаркетах – сливаться в один монотонный гул. То и дело из нее выскакивали словечки-смельчаки и даже отдельные фразы и врывались в Петькино сознание – Тимченко медленно, с большим скрипом начинал привыкать (о понимании говорить было еще рано) к американскому разговору. И все-таки первые сдвиги были налицо! Тимченко все чаще улыбался, как бы изнутри улыбался самому себе: «Ё-моё, я – в Америке!»

...В громадном, блестящем, как новогодний шар, салоне самолета Тимченко чувствовал себя так же неуютно, как в торговых залах Петровского пассажа, в который он случайно заскочил, гуляя накануне по Москве: тот же ужас от непостижимого великолепия, то же болезненное ощущение своей малости и ничтожности.

Но вскоре Петьке стало намного легче. Его неожиданно успокоила грудастая стюардесса. Мило заворковав о чем-то на английском, она протянула Тимченко белый квадратик

бумаги. Он так и назывался: «Белая карточка». А может, и по-другому – так назвал карточку старик с грустными голубыми глазами, полулежавший справа от Тимченко у окна. «Надо заполнить. Иначе офицер не пустит», – сказал он. Какой офицер, куда не пустит?.. Тимченко послушно заполнил под диктовку карточку, вписывая латинские буквы в графы, которые указывал длинным медным ногтем на мизинце левой руки старик. Стюардесса вновь заворковала – грудь ее вздымалась, казалось, в такт каждому ее слову. Елядя на колышущиеся сокровища стюардессы, Тимченко и успокоился. Успокоился и неожиданно для самого себя решил больше ничему не удивляться.

Но потом-таки не выдержал и развеселился. Так, от пустяка. Просто – Тимченко проглотил слюну – сдобная стюардесса принесла ему завтрак: чашку кофе и чашку бульона, пахнущего сельдереем, два ломтика обескровленной ветчины и, наоборот, подрумяненные, будто загорелые, квадратные хлебцы. Вот эти, в общем-то, аппетитные хлебцы и развеселили Тимченко: напомнили ему его чудо-бутерброды с черноземом.

– ...Это шо за извращение? – ошалел в первый момент Андрейченко, застав друга на его кухне за странной стряпней. Тимченко зачерпывал ложкой черную землю из бумажного кулька и, высыпав ее на ломоть хлеба, деловито размазывал по жуткому бутерброду. Вдруг из земляной икры высунулся ярко-красный, словно вымазанный в «Краснодар-

ском соусе», червяк и молча поприветствовал вконец обалдевшего Витька.

– Петь... Сдается мне, ты на почве отъезда... того... – осторожно начал он.

– Да нет, – сразу все понял и успокоил друга Тимченко. – Я совсем не того. Понимаешь, хочу в Америку родной земли взять – пусть душу и сердце греет. А как ее, землю-то, провезти за океан, если, я слышал, их таможенники жутко шмонают?.. Вот я и придумал... способ.

– А если они заставят съесть твой способ? – задумчиво спросил Витек.

– Ну-у... – неопределенно протянул Петька.

– А ты знаешь, в Америку вообще со жратвой не пускают? – Андрейченко снисходительно похлопал Петьку по плечу. – Тем более с дерьмом!

– Это не дерьмо, а перегной! – обиделся Тимченко.

– Один хрен, не пустят, – пожал плечами Витек. – Мне знакомый рассказывал. Он там... кажись, в Чикаго, тринадцать месяцев в одном супермаркете полы драил. Точно на флоте салага. Кстати! – Андрейченко радостно хлопнул себя по лбу. – Приятель этот страшный язвенник. Так он повез в Штаты пакет со специальной травой – он без нее ни на шаг, всюду заваривает и пьет. Тьфу, я один раз попробовал!.. И вот он рассказывал, что положил пакет с травой в дорожную сумку с вещами. Положил и все переживал, что америкашки его за одно место схватят: ну, за провоз наркотиков. Ты бы

видел ту траву, Петюня, – ну шо твоя конопля!

– Она такая ж моя, как твоя! – огрызнулся Тимченко.

– Да это я так, к слову сказал. Да, но шо ты думаешь? Америкашки в аэропорту просветили его сумку и даже бровью не повели! Так шо, Петюня, без хитростей надо и без партизанщины – насыпь земли в пакет или сумочку и положи с вещами. А то, я тебе честно скажу, с такими бутербродами не в Америку, а в дурдом надо отправляться...

Тимченко улыбнулся: Витек оказался прав – Петьку беспрепятственно пропустили через таможенный пост, не придравшись к содержимому багажа.

В полдень по нью-йоркскому времени, после 10 часов ровного и неинтересного полета, однообразных и сдублированных программ в телике, вмонтированном в кресло соседа спереди, самолет приземлился в вольном Вавилоне Северной Америки. Так сказал голубоглазый старик. В лучах большого солнца Нью-Йорка коротко стриженные, без малейших намеков на лысину, седые волосы старика казались отлитыми из серебра. Откусив от черной сигары копченый кончик, не выплевывая его, он добавил:

– Да поймет нас нью-йоркский бог. Да услышит, на что посягаем, прилетая в этот город.

В аэропорту Кеннеди следом за стариком процедуру проверки и оформления документов прошел и Петька Тимченко. Когда офицер эмигрантской службы, здорово смахивающий на Брюса Уиллиса, только намного моложе, вернул

Тимченко документы, старик полюбопытствовал, заглянув в Петькину «Белую карточку»:

– Офицер наказал тебя. Будешь на десять дней меньше в Штатах.

Тимченко равнодушно пожал плечами – он по большому счету и с оставленными ему десятью днями не знал, что делать.

Перед тем как разойтись, уже садясь в ожидавший его иссиня-черный «форд», старик вдруг снова проявил участие к явно контуженному новой действительностью Тимченко:

– Тебя никто не встречает? Бери желтое такси, поезжай на Брайтон. Там тебе расскажут.

Уже из едва-едва приоткрытого окна машины донеслось последнее: – Не забудь про поинты!

Таксист, очень смуглый парень с фонтаном косичек на голове, был, по-видимому, индусом или выходцем из какой-нибудь другой страны Юго-Восточной Азии. А может, наоборот, он был родом из Нью-Йорка и никогда в жизни не выезжал из него. Кто знает? Тимченко, пройдя короткий путь от самолета через аэровокзал к стоянке такси и при этом успев заметить вокруг себя десятки «разноцветных» лиц, вдруг испытал странное беспокойство. Он начал догадываться, что попал в такое место, где, подобно дегустационному залу, в котором представлены всевозможные сорта вин, водок или коньяков, собрались представители десятков, а может и сотен, стран и народов. Придется ли Петьке по

нутру этот город-коктейль?..

Услышав пароль «Брайтон-Бич», индус резво тронулся с места. Всю дорогу, ни разу не обернувшись в сторону Тимченко, он улыбался рассеяннo-блаженной улыбкой и непрерывно играл связкой ключей, вращая их вокруг указательного пальца правой руки. Эстакада за эстакадой, поворот за поворотом, многополосная магистраль обрела более привычные уличные черты, одна улица сменяла другую, громады домов устремлялись навстречу и мигом пролетали, проносясь по обе стороны такси... Водитель улыбался все шире, у Тимченко, наоборот, захватило дух. Петька содрогнулся от мысли, насколько глубоко и серьезно заглатывает его нутро незнакомого города. Тимченко видел Нью-Йорк, как младенец, наверное, видит мир – проглатывал картинки, не понимая их вкуса. Петькины чувства вмиг переполнились цветами, звуками, запахами, бившими ему в нос сквозь полуоткрытое окно; мозг попробовал их переварить, но поначалу поперхнулся. Тимченко растерялся: ощущение было такое, будто то, что он слышал, видел вокруг, но не понимал – не есть на самом деле. Жизнь вокруг ему кажется. Она как будто бывает такой.

Но Тимченко продолжал видеть Нью-Йорк – в этом он, слава Богу, не мог себе отказать. Тимченко видел... (Забегая вперед, надо сказать, что осмысление первых минут его знакомства с Нью-Йорком произошло позже, примерно через месяц, когда Петька встретился с чернокожей девочкой

Ко. Повторно знакомя его с городом, она объяснила Тимченко смысл многих непонятных тогда картинок и сюжетов из жизни Нью-Йорка.)

Тимченко увидел...

...парень в зеленых вельветовых джинсах, запрокинув голову, пил из бумажного пакета; на парня недовольно косился важный полисмен. (В городе запрещено на улицах распивать спиртные напитки. Но торговцы приноровились: они отпускают спиртное и пиво, вставляя бутылки в непрозрачные пакеты – такого рода камуфляжа достаточно, чтобы к тебе не приставала полиция.)

...вокруг громадной глыбы льда столпились зеваки и люди с видеокамерами. (Это известный 27-летний иллюзионист на 58 часов самовольно заточил себя в многотонную ледяную глыбу, надеясь, что дыхание людей, которые придут поглазеть на него, растопит лед.)

...в громадной витрине расхаживала сногсшибательная блондинка с чашкой в обнаженной руке. Девушка оторвала от белоснежной юбки лоскут и... проглотив его, отпила из чашки. (Девушка завлекала прохожих на «Шоколадное шоу» – выставку, проводимую кондитерскими компаниями и агентствами мод, среди которых было несравненное «Унгаро». А юбка, нетрудно догадаться, была «сшита» из первоклассного белого шоколада.)

...длинный лимузин, подъехавший к подъезду роскошного особняка. Из подъезда вышел важный швейцар в формен-

ной фуражке и, склонившись в красивом поклоне, открыл дверь лимузина. (Длинной машиной оказался великолепный «кадиллак», а домом-дворцом – так называемый кондоминимум. Когда-то на его месте хирели трущобы, заселенные малоимущими жителями Нью-Йорка. Теперь здесь живет кто-то из состоятельных биржевых дельцов, преуспевающих адвокатов, врачей или служащих банков.)

...немолодая женщина, катившая впереди себя детскую коляску, гневно швырнула что-то в жидкую толпу демонстрантов – в основном ярко раскрашенных девиц и парней, несущих черно-белые плакаты. На одном из них было начертано непонятное: «Eat a Queer Fetus for Jesus». («Съешь зародыш ради Иисуса» – призыв 90-тысячной Церкви эвтанизии, стоящей на четырех бочках с дерьмом – самоубийствах, абортах, каннибализме и содомии. Вот говнюки, вашу мать!)

...на перекрестке поравнялись черное «БМВ» и белый «кадиллак». Из окна «кадиллака» по «БМВ» ударила автоматная очередь – шумно посыпались стекла, завизжали женские голоса, взвыли клаксоны. «Ну и кино!» – подумал Тимченко. (Какое там кино! Тимченко, сам того не подозревая, наблюдал рядовой эпизод всамделишной войны между американскими рэпперами – войны, от которой устала вся страна.)

...из здания (Петька сумел прочесть только часть вывески на нем: «...Ресторан») вышли два крутых джентльмена и резво направились к алому «шевроле». Но чуть ли не под

ноги им бросилась стайка длинноногих курносых девчушек. И два крутых дядьки, улыбаясь, принялись налево-направо сыпать автографами. (Тот из них, что с мордой мясника, в черном свитере и подтяжках, – Харви Вайнштейн. Ему 45. Его брату – господину с более респектабельной внешностью – не нравятся масс-медиа. Зато и он, Боб, и Харви обожают хорошее кино. Благодаря братьям Вайнштейн «Английский пациент» и «Криминальное чтиво» обошли мировые экраны. Эти господа очень богаты. Они – основатели компании «Мирамакс».)

...посреди улицы, видимо наплевав на смертельный ритм движения, ругань клаксонов, визг тормозов, удивительный молодой человек в аккуратном белом костюме прильнул к блестящему желтому телескопу, нацелив его на совершенно белое, будто вытравленное кислотой, небо. (Этот чудаковатый парень – анти-яппи, в общем-то образованный молодой человек, у которого есть все возможности получить хорошую, престижную профессию. Но он начхал на такое светлое будущее, ему не в кайф перспектива горбиться по 50 часов в неделю в крутых офисах, делая кому-то деньги. Он работает максимум десять дней в месяц, получает тысячу долларов и, честно говоря, доволен этим. Ведь у него столько свободного времени! Он посвящает его, например, исследованию дневного космоса. Кстати, это замечательное явление зовется «дауншифтингом»...)

Тимченко успевал прочесть броские вывески, на немец-

кий манер произнося про себя их заголовки: «Манхаттан-Айрпортс Экспресс», «Таксис унд Лимоузинэс», «Субвэй», «Харлэй-Дэвидсон оф Нэв Йорк Сити», «Лэвис», «Патрик Бэкер унд Соне», «Харлем Спиритуалс», «Сакс», «Барнэйс», «Эмпирэ Статэ Бюилдинг», «Нэв Йорк Галлери», «Тэ Манхаттан Арт унд Антиквэс Цэнтер», «Тэ Фантом оф тэ Опэра», «Йесус Христ Супэрстар», «Тэ Мэтрополитан Музэум оф Арт», «МкДоналдс оф Тимэс Сквэре», «Ангэлс Рэстаурант», «Гей анд Лесбиан», «Комэди Клубе», «Кинэмастикс», «Калвин Клэйн», «Трибэка Блюэс», «Опиум», «Голф Товн», «Бронкс Зоо»...

Тимченко увидел красивую девуцу в короткой сиреневой курточке с меховым воротником. Девуца плавно катилась на коньках по ледяной дорожке, за ней развевался пурпурный шарф. Словно в тон ему, по краям дорожки цвели живые розы. Тимченко стало немного грустно: он вспомнил, как мало роз осталось в его родных Сумах.

...Примерно через 50 минут машина была на Брайтон-Бич. Со ста долларов таксист вернул Петьке 60 сдачи.

На Брайтон-Бич было совсем нестрашно. Напротив, стоило только Тимченко ступить на асфальтированную землю улицы, о которой, естественно, был наслышан, как вереница образов-сюжетов Брайтона увлекла Петькино воображение в свой беспокойный пестрый поток. Вывески, реклама, вывески, реклама, витрины, витрины – куда ни глянь – все на русском: «Аптека Рабиновича», «Бакалея Цукермана», «Га-

строном Центральный», «Суши-бар Садко»... – граффити черт знает на каком языке, подростки на роликах, авто с цветными шинами (а может, и с обыкновенными – поди разберись, когда в глазах у Петьки мир пестрит, с десяток радуг в каждом глазу!), магазинчики, магазины, магазинищи, кафе, рестораны, агентства, которые, судя по вывескам, берутся за оказание услуг, обмен, куплю-продажу, наверное, чего угодно...

Тимченко заглянул в агентство по недвижимости: самое время было подумать о крыше над головой. Таких, как он, в небольшом помещении с потускневшим евроремонтом и время от времени зевавшей девицей за стеклянной перегородкой, толкалось, наверное, человек тридцать. Тимченко, как он ни тужился, так и не удалось изобразить напускное безразличие на своей явно растерянной физиономии. Однокомнатные квартиры (по сути, двухкомнатные – спальни в них в расчет не брались) сдавались на Брайтоне не ниже 700 долларов в месяц. В других районах Нью-Йорка жилье стоило еще дороже.

– Ну-ну, дружище, не все так хреново! – вдруг поспешил успокоить Петьку добродушный толстяк завидного телосложения с метелкой пшеничных усов над расплзшимися в улыбке губами. Толстяк оказался тезкой, а приехал из Белоруссии – полесского Гомеля. Петр Лукашевич, подбадривающе похлопав Петьку Тимченко по плечу, протянул тому газету на русском языке:

– Газеты надо читать, Петро! С такими газетами, как эта, не пропадешь! Ищи, дружище, объявления о сдаче комнат для русских туристов. И не пользуйся больше желтым такси! Вот тебе монетка – вызовешь карсервис...

Кто-то рядом с Тимченко произнес: «Живи технологично! Пробуй лично!» Петька открыл «Русский базар», подаренный белорусом, и... утонул в море, нет, скорее, болоте информации. Вздыхнул и, будто Иван-царевич, отправился на поиски счастливой «стрелы». На девятой странице объявка-«лягушка» «проквакала» ему заветный адресок, где были обещаны умеренные цены за столь же умеренный комфорт.

Машина службы карсервис, забрав Тимченко у таксофона, откуда он сделал заказ, повезла Петьку в нью-йоркскую даль. Привыкнув к тому, что просторы на родной Сумщине сплошь состоят из вольных и обработанных полей, лесов и огородов и лишь в отдельных местах заняты поселениями людей (неудержимо стремящихся в эти самые поля, леса и огороды), Петька, подавленным взглядом наблюдая чудовищное скопление камня, бетона, металла, стекла, вдруг подумал о том, что с этим городом шутки плохи. Что Нью-Йорк, по идее, должен быть очень автономным, более того... вовсе обходиться без участия людей. Что эта жизнь, которая сейчас пульсирует на улицах, живо отражаясь в витринах, фарах, рекламных огнях, очках пешеходов, на их сумках, блестящих плащах и плеейерах, сохранится даже в том случае, если люди все до единого покинут этот город. Вот

придет им в голову какая-нибудь подобная фигня, и они скажут: «Фак ю, Нью-Йорк!» – и уйдут из него. А город – ничего, продолжит переговариваться моторами авто, устраивать перепевки автосигнализаций, накатывать волны цикадовых хоров (от которых впервые прибывший в Нью-Йорк сходит с ума), красоваться рекламными неонами, перемигиваться электрическими глазами...

– Расслабься, парень! – густой баритон раздался над ухом Тимченко. Петька машинально обернулся: на заднем сиденье такси никого. Глянул настороженно на водителя: зажав в зубах спичку, блондин с неприятными красными, как у свежей селедки, глазами, сохраняя отморозенное выражение лица, вполне дружелюбно подмигнул Петьке. Тимченко с облегчением закрыл глаза.

– Расслабься, – повторил неизвестный баритон. – Нью-Йорку от тебя ничего не нужно.

Карсервис привез Тимченко в Боропарк – один из районов Бруклина... По правде говоря, поначалу Петька понятия не имел, как зовется та или иная улица, квартал, сумасшедшей протяженности мост над гигантской водой, растянувшийся на километры массив, прерываемый скверами и площадями. В тот момент Петька был озабочен лишь одним знанием, точнее, его поиском: как бы не остаться без крыши над головой в чужом раю. Однако Боропарк поразил его сразу же – запомнился не аккуратными особняками и вполне приличной зеленью, а странными людьми, часто встре-

чавшимися в этом районе. В длинных одеждах, наподобие не то халатов, не то плащей, в головных уборах цилиндрической формы, в каких-то нелепых гольфах, они в самом деле выглядели чудно. Но больше всего Тимченко протащился от длиннющих прядей волос – пейсов, свисавших с висков этих странных ребят. То были боропарковские евреи, за пейсы прозванные «пейсатыми».

Двухэтажный дом в окружении вышколенной, будто наряд лакеев, зелени, состоящий из одиннадцати небольших комнаток, снимала супружеская пара средних лет. Он – коренной житель Нью-Йорка, с крупными, обросшими черными волосами руками и, вероятно, такой же волосатой грудью (волосы пробивались даже сквозь галстук, который господин носил не снимая). Она, по всей видимости, потомок викингов, лет пять назад приплыла к берегам Гудзона из какой-нибудь скандинавской страны. Белокурой, статной, с упрямым характером, ей несложно было раскрутить мужчину на фиктивный брак. А потом вдруг решила с фиктивным супругом заняться реальным бизнесом. Сняли недорого (тысячи за полторы долларов в месяц) дом, а затем стали сдавать комнаты таким вот, как Тимченко, неприкаянным туристам-авантюристам... Об этом уже по прошествии какого-то времени хозяйка дома рассказала за случайной чашкой чая, когда Тимченко угостил мадам мороженым «Гуд хюмор» с миндальным печеньем.

Комнату с нехитрым набором удобств Петьке отвели на

втором этаже. В распоряжении жильцов этажа были общая кухня и совмещенные ванная и туалет. На кухне – мощный, как «студебекер» времен второй мировой войны, холодильник и барахлящий телевизор с пультом дистанционного управления, прибитым к кухонному столу. В ванной – стоячий душ, вода в котором похожа на обезжиренный фарш. За все это, дешевое и сердитое, Петька должен был платить 300 долларов в месяц.

В комнате Тимченко поселился не один: составил компанию чернявому еврейчику лет двадцати пяти. По крайней мере, на вид ему Петька больше не дал, но, как оказалось, напрасно...

– Руслан, – чернявый крепко пожал Тимченко руку. Петьке по душе пришлось рукопожатие нового знакомого, как и то, что паренек смотрел открыто, не отводя глаз. – Я из Киева, а ты?

– Из Сум.

– А, знаю, бывал у вас – бандитский город!

– Хватает этого, – ухмыльнулся Тимченко и бросил вещи на кровать, на которой нетронутым выглядело серо-бирюзовое покрывало. – Вот это мое лежбище?

– Ложись отдыхай, а завтра, советую, смотайся на биржу, – Руслан достал из стенного шкафа-купе чистое постельное белье и протянул Тимченко. – В агентства по трудоустройству лучше не соваться – там одни посредники промышляют. Кроме того, ты ж нелегал, на цивильную работу не устро-

ИШЬСЯ...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.